

The Peculiarities of the Adverbs Functioning of the Dialect Spoken in the v. Shevchenkove, Kiliya district, Odessa Region

Maryna Delyusto¹

Abstract: The article gives new evidence about the adverb as a part of the grammatical system of the Ukrainian steppe dialect spread in the area between the Danube and the Dniester rivers. The author proves that the grammatical system of the dialect spoken in the v. Shevchenkove, Kiliya district, Odessa region is determined by the historical development of the Ukrainian language rather than the influence of neighboring dialects.

Keywords: dialect; dialectal text; adverb; word - formation; morphology

Важнейшей характеристикой языковой ситуации в придунайском регионе была и остается полиязычность – сосуществование и взаимообогащение на этой территории нескольких языков, как близкого родства (украинский, русский, болгарский), так и неродственных (румынский, гагаузский, албанский и др.). Причем большинство из них функционирует, как правило, не только в литературной, но и в естественной диалектной форме, наиболее правдиво отражающей сущность языковых явлений.

Говоры украинского языка – одного из самых распространенных в южнобессарабском ареале – как и другие, определяет переселенческий характер, а также связанная с ним мозаичность диалектных явлений, которая состоит в совмещении в одном говоре черт минимум двух, а то и всех трех украинских диалектных зон (юго-восточной, юго-западной, северной). Таким типичным украинским говором является и говор с. Шевченково (старое тюркское название Карагмет) Килийского р - на Одесской обл. В этом селе, которое начало образовываться в 1822 году, по сведениям, сохраняющимся в местном сельсовете, сегодня проживают потомки украинцев, переселившихся сюда из Таврии, Полтавщины, Крыма, Запорожской Сечи и других местностей Украины.

Безусловно, на современном этапе для лингвистики представляют значительный интерес результаты многолетнего пребывания в иноязычной

¹ PhD, Izmail State Liberal Arts University, Ukraine: Address: 12, Repin St., Izmail, Odesa oblast, Ukraine, 68600, Tel: +380930455577, Corresponding author: delustom@mail.ru.

среде разных по происхождению диалектных элементов этого говора, демонстрирующих такие особенности развития, как сохранение архаических явлений, влияние украинского литературного языка, а также интерференция других, прежде всего русского и румынского. Специфику этой частной диалектной системы закономерно характеризует и наличие общих диалектных явлений с другими украинскими говорами, в том числе придунайскими.

В статье предлагаем описание особенностей функционирования наречий – одного из важных морфологических классов неизменяемых полнозначных слов, обозначающих непроцесуальный признак действия, другого непроцесуального признака или предмета, отличающегося от полнозначных частей речи «морфологической одноформностью и бескатегорийностью» (Везроуаско, 1993, р. 244) – как фрагмента грамматической системы анализируемого говора. Отметим, что хотя междиалектные отличия в составе и структуре украинских наречий очерчены Ф. Т. Жилко, ценный вклад в изучение деривации диалектных наречий сделан В. В. Нимчуком, О. Д. Брошняк (закарпатские говоры), М. В. Леоновой (буковинские говоры), Т. Н. Розумик, В. – А. Т. Захаркив (бойкивские говоры), Н. П. Прилипко, Ю. В. Громиком (полесские говоры), однако морфологии диалектных наречий все же еще уделено недостаточно внимания.

Изучение наречий проводим на основе свидетельств диалектных текстов – графических аналогов фонозаписей преимущественно монологической речи общим объемом 59 787 словоупотреблений (10, 5 авт. стр.); корпус текстов составила реализация идиолектов 30 носителей говора – 22 женщин и 8 мужчин 1918 - 1944 года рождения. Диалектные тексты, образующиеся непосредственно и спонтанно в коммуникативном акте, представляют собой разновидность языкового пространства, в котором отображается реальное соотношение элементов структуры говора, проступают их необычные, прежде не фиксируемые синтагматические связи. На основании текстов можно проследить, как распределяются грамматические единицы по частоте использования в речи. Таким образом, считаем, что для отображения говора как реальной коммуникативной системы, а не конструкта, необходимо прибегать к анализу значительных по объему диалектных текстов (Hrytsenko, 1996, р. 9).

Статистический анализ наречий показал, что они функционируют в диалектных текстах, прежде всего, вместе с глаголами и занимают в речи диалектоносителей полупериферийную позицию (7,3% от всех частей речи). См. диагр.1

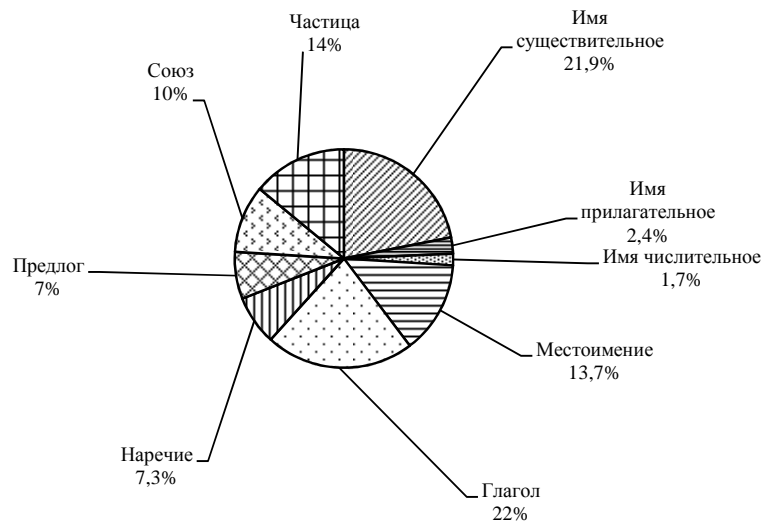

Диаграмма 1

Ядро адвербиальной системы говора составляет номинативная лексика (60 % от всех наречий), среди которой наиболее употребительными являются качественно-определятельные формы (839 словоупотр.), а наименее – наречия цели и причины. Качественно-определятельные наречия образуются от качественных прилагательных с помощью морфем - о (*гарно, весе'ло, браво, плохо, просто, доўго*) и - е (*добре, дуже*). Наречия с суффиксом - о, представляющие собой адвербиализованные формы И. п. (В.п.) единственного числа давних нечленных прилагательных среднего рода (Bevzenko, 1960, р. 381), наиболее употребительны. Лексеми же с суффиксом - е, производные от современных форм И. п. (В. п.) прилагательных среднего рода (Bevzenko, 1960, р. 381), реализуются в текстах незначительно, что отмечается и по отношению к литературному языку и большинству других украинских говоров.

Наречия этого типа выражают субъективную оценку аффиксами - ен'ко (- ен'ку, - он'ку), - он'ечку (*доўген'ко, поманен'ку, пот'ихон'ечку*), а также морфемой - аче, где – ач - по происхождению суффикс бывших нечленных

форм активных причастий среднего рода И. п. (В. п.) ед.ч. (*нап'асло ме^шне добр'аче*), и - *уиче* (- *уичо*), где – *уич* - – суффикс старословянского происхождения (Bevzenko, 1960): *ми робили страхуиче; в'ін страхуичо наробиўс'а в н'іміц'іў*.

Недостаточная степень безотносительной меры качества достигается с помощью суффиксальных морфем – *уват* - (- *о'ват* -) (*т'аже^шлу'вато*), а также соединением качественно-определяющего наречия со словом *не^шсил'но* (*не^шсил'но роскошно*).

Чрезмерную степень безотносительной меры качества выражают объединения качественно-определятельных лексем с наречиями меры *дуже*, *сил'но*, *страшно*, *гет'*, редуцированные формы качественно-определятельных наречий (*п'рамо-п'ра'мо*), редуцированные формы качественно-определятельных наречий с приставкой *пре^ш*- (*сил'но* - *пре^шсил'но*).

Формы сравнительной степени, как и в большинстве юго-восточных говоров (AUL, V.3, P.4, p. 195), образуются синтетически – с помощью суффиксов – *ше* (- *ше^ш*), - *ише* (- *ише^ш*). Часто наблюдается и морфема - *че* (*ран'че просто; там л'удей мен'че^ш*). Предполагаем, что суффикс – *ч* - здесь является результатом частичной прогрессивной ассимиляции по способу образования: *ран'ише* > *ран'ше* > *ран'че*. Вероятно, на функционирование этого морфа в некоторых словах также повлияли наречия типа *к'рашче*, *вишче* (Bevzenko, 1960). Образование степеней сравнения наречий сопровождается и другими ассимилятивно-диссимилятивными изменениями в основе (*лекше*, *с'вид^шче*), что отмечалось и по отношению к другим южнобессарабским говорам (Mukan, 1961).

Формы этого типа, как и в литературном языке, образуются также супплетивно (*хуже*, *к'рашче*) и аналитически – объединением качественно-определятельного наречия нулевой степени со словами *б'ил'ше^ш*, *менше* (*б'ил'ше^ш совр'е^шм'он-о*), причем суффикс - *е* в этих словах может усекается (*мени бо'л'или*). Наречие *добре* имеет варианты формы сравнительной степени (*к'рашче*, *луч-е*, *лучше^ш*).

Формы превосходной степени, прежде всего, образуются присоединением к синтетической форме сравнительной степени приставки *най* - (*найтрудн'ише*), как в литературном языке, и подобно другим степным говорам, а также слобожанским и надднепрянским, сочетанием с этой же формой слова *саме* (*саме хуже*). В редких случаях – лексемы *б'ил'ше* (*б'ил'ше прос'т'ише*, *б'ил'ше блудн'ише*), что отличает анализируемую диалектную микросистему не только от литературного языка, но и от других украинских говоров (AUL, V.3, P.4, p. 195).

Самыми распространенными среди других разрядов номинативных наречий являются: отыменные производные, образованные путем адвербиализации форм Род. п. мужского рода (*н'ішака, бос'ака, дома*), Тв. п. всех родов (*хрестиком, вулиц'ойу, л'ітом*) и множественного числа (*рачки, зад'мки*), а также предложно-падежных форм Род. п. с предлогами *з, с, із, за, по, до, у* (*ззаду, спере'ду, ізверху, заран'і, позад'і, додому, удома*); В. п. с предлогами *на, у, по, во* (*назад, позад, уден', вовре'мн'а*); П. п. с предлогами *по, у, з, с, на, при* (*посе'редин'і, ув'ече'р'і, з:ад'і, спере'д'і, припосл'етку, наго'р'і*), производные от прилагательных, образованные от основ относительных прилагательных с суффиксом *- с'к - (- з'к -, - ц'к -)* морфемой *- и (- і)* (*по_сус'іц'к'і, по_хохл'ац'ки*), и от основ качественных и относительных прилагательных конфиксом *по - + - ому* (*по_умному, по_книжному*); производные от числительных, образованные адвербиализацией П. п. количественного числительного с предлогом *у (в)* (*удвох, втр'ох*), сочетанием «предлог *на* + собирательное числительное» (*над'воєю*), «предлог *на* + В. п. существительного *половина*» (*наполовину*); производные от глаголов, образованные префиксально-суффиксальным способом *наў - + - шки (- чки)* (*наўпришки, наўстойачки*).

Аналитические формы наречий представляют адвербиализованные сочетания предлогов и форм существительных Р. п. (*о'зиму заби'рали вс'у до г'рами*), В. п. (*розгор'нуў вс'іх йак т'іх кома'шок на боки*), Тв. п. (*йа й'ійі вигнаў с тр'еском*) и П. п. (*в т'і годa ва'рила в р'етко'с'т'і*). В функции наречий употребляются и словосочетания «И. п. + предлог + В. п.» (*ден'_уден', метр_на_метр*), что наблюдается также в полесских, слобожанских и степных говорах (AUL, V.3, P.4, p. 182).

Особенность образования номинативных наречий состоит в продуктивности приставки *у - (ў -)*, что выражается в прибавлении ее к словам, которые в литературном языке с ней не употребляются (*ўзаўтра по'їїде'те; уве'сноу о'це викинемо н'іч; у'полнос'т'ііу звай'зат'*). Эта черта, по мнению А. М. Мукан, характеризует и другие придунайские говоры (Mukan, 1961, p. 164).

Систему номинативных наречий говора выделяет также наличие большого количества синонимических вариантов, отдельные из которых – специфические (*вийшли на дв'ір трон'ки погул'али; напро'си 'навскоси + навпроти' те'л'атника йама с'ілозна; припосл'етку соби'рали кури по се'л'і; упала навкол'енца*), а также заимствований из русского языка (*т'аже'ло, ч'отко, воз'можно, в основ'ном, н'ім'едл'е'н-о, вдрух, б'истро, прим'ерно, йел'е', врод'е'*), детерминированных интерференцией на территории междуречья Днестра и Дуная.

Наречия, образованные от местоимений, составляют 38 % от всех форм. Их характеризует: распространенность деминутивных форм с суффиксами *- ечки*

(- ечки), - ечко (- ечко), - ичко (- ичко) (такечки, тамечко, теперички, по́томечки), регулярность производных, образованных с помощью приставки - о (отуди), а также префиксально-суффиксальным способом о - + - о (отакко), отсутствие таких средств словообразования неопределенных слов в украинском литературном языке и других украинских говорах как приставки *аби* - и *де* -, а наличие приставки *кой* - (*кой_коли*), вероятно, заимствованной из русского языка, что характерно и местоимениям (*кой_хто*). Не характерна для морфологической системы говора и приставка *шчо* - как средство образования темпоральных наречий (*щодня, щонеділі*). Вместо нее функционируют сочетания «существительное + определительное местоимение *кажний, кажен, каждый, кожний*»: *кажної неділі, кожної суботи, кажен ден*, что прослеживается и в других южнобессарабских говорах, преимущественно с юго-восточной основой.

Вопросительно-относительное наречие *де* может употребляться с семантикой 'куда' (*де ти б'їжиш?*), что является архаической чертой, поскольку когда-то оно «употреблялось с П.п. в значении 'где', а также с В. п. в значении 'куда'» (Pavluk, 2003, p. 78). Этот признак встречается в большинстве говоров юго-восточного наречия и в отдельных юго-западных.

Влиянием русского литературного языка можно объяснить функционирование некоторых специфических наречий данной производности, образованных: конфиксами *по* - + - *ему* (*по_іначому*), *по* - + - *ому* (*по_другому*), *з* -, *от* - + - *ова* (*зо_т.удова*), суффиксом - *е* (*іначе*), а также наличие архаических слов (*вс'їгда, н'їгде*).

Ф. Т. Жилко отмечал, что в диалектах проявляется своеобразное расширение морфемной структуры наречий с помощью суффиксов (Zhytko, 1966, p.106). Это замечание правомерно и касательно говора с. Шевченково, поскольку наречия, производные от местоимений, здесь характеризует большое количество словообразовательных вариантов, причем преимущественно деминутивных, образованных суффиксами - *ечки* (- *ечки*), - *ечко* (- *ечки*), - *ичко*: *тепер* - *теперички* - *теперичко*; *там* - *тамечки* - *тамечко* - *отам* - *отамечки*; *тут* - *тутечко* - *тутечки*; *так* - *такечки* - *отакечки*, характерных и другим южнобессарабским говорам, а также другим степным. Однако лексемы *ос'дечки, ондечки, с'о'годн'ачко, с'о'годн'ічки*, образованные по этой же модели и встречающиеся в других степных говорах (Drozdovskij, 1962), здесь не фиксируются.

Наличие синонимических вариантов, как и в большинстве придунайских говорах (Mukan, 1961), характеризует и другие типы наречий (*с'о'годн'і* - *с'одн'і* - *с'одн'а*; *весе'ни* - *ос'ін'їю*; *дн'ом* - *уден'*; *п'ішки* - *п'ішка* - *п'ішком*; *увече'р'і* - *вече'ром* - *звече'ра*; *уно'ч'і* - *ноч'їю*; *с'і'час* - *ш'і'ч'ас* - *ш'ч'ас* - *іш'час*; *трохи* - *трошки* - *потрошки* - *потрошечки* - *трон'ки*;

позад – *позад'і*; *спере*^д*ду* – *сперед'і* – *поне*^д*ред'і* – *уперед* – *поне*^д*ред*; *поки* – *пока* – *покуда* – *покам'іс'*; *при посл'едн'е времяа* – *припосл'етку* – *напосл'етку*), что, по мнению диалектологов, обусловлено «смещением разнодиалектных источников и заимствованиями из русского языка» (Zhytko, 1966, p. 269).

Модальные наречия, которые передают отношение говорящего к содержанию высказывания, представляют 87 словоупотреблений (2 %), среди них также много заимствований из русского языка (*йак* *обично*, *возможно*, *в основном*, *воп'ше*, *оп'ше*^м, *видно*, *нав'ерно*, *кон'ешно*, *короче*, *праил'но*). А. М. Мукал отмечала отсутствие в придунайских говорах модальных наречий с предлогом-приставкой *по* – (*по-перше*, *по-друге*) (Мукал, 1961, p. 164), что подтверждают и тексты говора с. Шевченково. В то же время, в речи некоторых жителей села отмечаются другие производные от числительных (*во*₁*первих*, *во*₂*вторих*), что также, вероятно, является результатом интерферентного влияния.

Отмечается многозначность наречий. Например, слова *поне*^д*ред'і*, *позад'і* выступают и с семантикой места (*і позад'і сп'івайут' ідут' ве*^д*с'іл'нойі*; *о*₁*с'о*₂*баба старен'ка поне*^д*ред'і*) и с семантикой времени (*із церкви йдут' на о*₁*б'ід до же*^д*н'іха поне*^д*ред'і*; *позад'і же*^д*н'іх приб'ігайе*). Многозначность и синонимия этих наречий характерна украинскому литературному стандарту и другим украинским говорам.

Таким образом, анализ наречий как фрагмента грамматической системы говора с. Шевченково Килийского р - на Одесской обл. указывает на то, что особенности их функционирования обуславливают, в первую очередь, историческое развитие украинского общенародного языка, что подтверждается наличием большого количества общих форм, в том числе архаических. Отдельные процессы, происходящие в говоре, тождественны тем, что происходят во многих украинских говорах юго-восточного наречия, прежде всего степных, а также других придунайских – это: активность форм превосходной степени сравнения качественно-определятельных лексем со словом *саме* (*саме* *хуже*), существование большого количества словообразовательных вариантов наречий, прежде всего, производных от местоимений, деминутивных типа *таке*^д*чки*, *теперички*, сочетаний типа *кажної не*^д*ілі'і* как средства образования темпоральных наречий вместо литературно-нормативных с приставкой *що*- (*щонеділі*); продуктивность приставки *у* - (*у*^д -) (*уве*^д*сноіу*); регулярность отместоименных форм с приставкой *о* (*отуди*) и конфи́ксом *о* - + - *о* (*отако*), образование трансформ (*напр'оси*, *трон'ки*) и др. Немаловажную роль продолжает играть интерференция со стороны русского языка, что отражается в функционировании большого количества заимствований, причем преимущественно номинативных и модальных наречий.

References

- AUL (1984-2001). Атлас української мови/*Atlas of the Ukrainian language*. Kyiv: Naukova dumka.
- Bevzenko, Stepan (1960). Історична морфологія української мови/*The Historic Morphology of the Ukrainian Language*. Uzhgorod: Zakarpatye Region Publishing.
- Bezroyasko, Olena (1993). Граматика української мови. Морфологія/*The Grammar of the Ukrainian Language. Morphology*. Kyiv: Lybid.
- Drozdovskij, Volodymyr (1962). *Українские говоры Бессарабского Приморья /The Ukrainian Dialects of the Bessarabia Seaside*. Kyiv.
- Hrytsenko, Pavlo (1996). Тексти як джерело дослідження чорнобильських говірок/*The Texts as a Source of the Investigation of the Chernobyl Dialects. Говірки Чорнобильської зони. Тексти./The dialects of the Chernobyl area. Texts*. Kyiv, pp. 7–19.
- Mukan, Ahafia (1961). Словотвір українських наддунайських говірок/*The Derivation of the Ukrainian Higher Danube Dialects. Праці X республіканської діалектологічної наради /The works of the 10-th republic dialectal summit*. Kyiv, pp. 156–168.
- Pavluk, Mykola (2003). *Українські говори Румунії. Діалектні тексти/The Ukrainian dialects of the Romania. The Dialectal Texts*. Edmonton – Lviv – New-York – Toronto: The Institute of the Інститут Ukrainian Studies of the NASU.
- Zhylko, Phedot (1966). *Нариси з діалектології української мови/The Studies of the Dialectology of the Ukkrainian Language*. Kyiv: Radyanska shkola.